

Н. Ф. Винник

Поэмы А. Твардовского и Я. Купалы
о народе — творце истории
(«Страна Муравия» и «Над рекой Орессой»)

Сравнительно-историческое изучение творчества основоположника белорусского языка и литературы Янки Купалы и одного из талантливейших советских поэтов — Александра Твардовского способствует выяснению важнейших закономерностей советского литературного процесса 30-х годов. Постановка данной проблемы позволяет уяснить, как один и тот же жизненный материал, одна и та же тема воплощались в произведениях, созданных в одно и то же время художниками разных национальных литератур, в чем конкретно проявлялись своя, национальная специфика в решении темы, неповторимое своеобразие почерка каждого поэта.

В работе П. Выходцева «А. Твардовский» («Советский писатель», М., 1958) намечены лишь опорные точки сопоставительного анализа «Страны Муравии» и «Над рекой Орессой», но больше в идейном плане, а не в аспекте стилевых поисков поэтов-современников, воссоздававших в своем творчестве эпоху бурного наступления социализма по всему фронту в годы довоенных пятилеток.

История создания поэм «Страна Муравия» и «Над рекой Орессой», идейное содержание и эмоциональный пафос этих произведений могут быть глубоко поняты только в свете идей Октябрьской революции, в русле которых развивалась многонациональная советская литература. Обращение Я. Купалы и А. Твардовского к теме строительства социализма в советской деревне 30-х годов означало эстетическое освоение и утверждение в их творчестве важнейшей политической темы, которое всегда вносило в литературу, в творчество художника «диктат революции, дыхание новой действительности, приметы нового мышления»¹.

История создания поэм «Страна Муравия» (1936) и «Над рекой Орессой» (1933) явилась свидетельством активного вмешательства обоих поэтов в жизнь и была связана с новым характером самого типа советского художника — общественного практика, а не пассивного созерцателя. В истории возникновения и осуществления творческого замысла поэтов отразилась существенная черта литературы 30-х годов — ее живая и глубокая связь с реальной исторической действительностью эпохи. «Отрываясь от книг и учебы, — вспоминает А. Твардовский, — я ездил в колхозы в качестве корреспондента областных газет, вникал со

¹ К. Зелинский. Новое в литературах народов СССР, Сб. «Социалистический реализм и художественное развитие человечества», «Наука», М., 1966, стр. 333.

страстью во все, что составляло собою новый, вчерне складывающийся строй сельской жизни, писал статьи..., за каждой поездкой отмечая для себя то новое, что открылось мне в сложном и величественном процессе колхозной жизни»². По свидетельству Я. Купалы, поэт исходил берега Орессы, жил в совхозе им. Десятилетия БССР и в Коммуне Белорусского военного округа³.

Глубинные революционные процессы, происходившие в жизни советской деревни, определили выбор поэтами темы, обусловили идейные акценты и своеобразные черты избранных ими жанров.

Как и Шолохов, Твардовский и Купала ответили на насущную потребность многонациональной советской литературы 30-х годов средствами поэзии запечатлеть «годы великого переустройства деревни на основе коллективизации» (А. Твардовский). Купалу и Твардовского объединяет обращение к коренным проблемам эпохи: человек и государство, человек и социальные условия его жизни, народ как единственный источник и творец ценностей материальных и духовных, организующая роль Коммунистической партии.

А. Твардовский — поэт, вступивший в литературу в 20-е годы, приходит к постановке этих вопросов от своих ранних стихотворений и поэм «Путь к социализму» (1931) и «Вступление» (1932). Я. Купала, для дооктябрьской поэзии которого характерна тема революционизирующегося, встающего на путь борьбы народа, обращается к созданию поэтического образа народа — «раскованного Прометея». Если в лирике 900-х годов Я. Купала, полемизируя с шляхетско-буржуазным представлением о трудящемся человеке, должен был эстетически реабилитировать труженика земли, крестьянина-белоруса, то в стихотворениях советской эпохи («Уходящей деревне», «Где кривда извечная зрела», «Я — колхозница», «Лен», «Гости», «Сей, вольный сеятель» и др.) тема народа утверждается поэтически как тема народа — творца истории, логически связываются судьбы трудящихся масс с судьбами страны и революции.

Изображение преобразующей, созидательной сущности Октября лежит в основе сюжета «Над рекой Орессой» и «Страны Муравии». Но если А. Твардовский выделяет процессы, связанные с эволюцией сознания бывшего собственника и превращения его в личность коллективиста, то Я. Купала стремится воссоздать панораму героического строительства, изменяющего лицо республики, дать совершенно конкретное изображение того, «как в глухие дебри шел социализм». Этой авторской задаче подчинены экскурсы в прошлое, которые в антитетическом плане подчеркивают тему «двух действительностей».

Составной частью национальной специфики являются характер, тематика и быт. Я. Купала не перенасыщает деталями свою поэму. Но особенности места, быта, географическое окружение создают неповторимый национальный колорит. «Портрет» дореволюционной белорусской «вески» с подчеркнутой минорной окраской, напоминающей дореволюционное стихотворение Я. Купалы «Деревня», нужен поэту как контраст тому, что достигнуто народом в результате Октябрьской революции.

Горы да камень,
Узкие полоски —
Это наше поле,
Поле нашей вески.

Кабаки, остроги,
Крестики, березки —
Это наша доля,
Доля нашей вески...

(«Деревня»)

Тема прошлого Полесья звучит в главе поэмы, названной «О минувшем».

² А. Твардовский. Собр. соч., т. I, Гослитиздат, М., 1959, стр. 12—13.

³ См. Е. Мозольков. Янка Купала, ГИХЛ, М., 1961.

Обращение к фольклору у Твардовского, например, элементы сказочной условности в сюжете поэмы «Страна Муравия», было подчинено более емкому противопоставлению старого и побеждающей социалистической яви (единоличное царство — нищее селение Острова и зажиточная жизнь в колхозе). Средствами фольклора поэтизирует Купала самоотверженный труд коммунаров, гибель сына своего народа — «славного», «смелого» Борисенко, поет здравницу новому Полесью («Вместо заключения»).

Пафос советской литературы 30-х годов был связан с утверждением новой действительности, которая побеждала в борьбе с силами и традициями старого мира. Купала и Твардовский утверждали в своих поэмах рожденную Октябрем красоту нового мира. «Октябрь весь мир поколебал», — говорит Я. Купала. «Мир потрясений и борьбы» стремился запечатлеть в своих произведениях Твардовский. Изменения, происшедшие в общественной и личной жизни людей, становятся определяющим аспектом изображения народа у обоих поэтов.

В поэмах о советской колхозной деревне ставится одна из ведущих эстетических проблем каждой национальной литературы — проблема положительного героя. Моргунок («Страна Муравия»), приобретаая черты новой психологии коллективизма, приобщаясь, как говорил Горький, к «творчеству фактов» советской действительности, утверждает идею победы коллективизации. Коммунары («Над рекой Орессой») не только победители природы, они ее разумные хозяева, создающие «новую географию земли» (М. Горький). Определяющим критерием положительности героя в обоих произведениях является активное начало в человеке. Твардовский, как социалистический реалист, не только показывал воздействие реальной, конкретно-исторической действительности, но и раскрывал те нравственные силы крестьянства, которые обусловили возможность скачка в новое качественное состояние. И Купала, и Твардовский художественно убедительно раскрывали в своих поэмах мысль о том, что моральные силы народа определили возможность уничтожения старых устоев и традиций в крестьянском быту, возможность уничтожения вековечно-неизменного уклада жизни. Лучшее, самое человеческое в человеке проявляется в процессе его приобщения к революционной переделке жизни. Эта мысль лежит в основе гуманистического содержания поэмы.

Глубокое проникновение в сущность изображаемой эпохи присуще автору поэмы «Страна Муравия», раскрывающей душу крестьянина-средняка.

В соответствии с ленинским определением своеобразия социально-психологической сущности крестьянина-средняка Твардовский сосредоточивает внимание на особенностях Моргунка, раскрывающих положительные черты народного характера: искренность, трудолюбие, сердечность. С другой стороны, типический характер Моргунка — так, как он раскрыт в поэме, — убедительно показывал трудность преодоления частнособственнической психологии, противоречивость классовых тенденций крестьянства.

От деда слышал Моргунок — Здоровью — срок, удаче — срок,
Назначен срок всему: Богатству и уму⁶.

Поэма утверждала идею движения, обновления жизни вопреки неизбежности и покою; в ней были показаны перспективы духовного роста советского человека. Перелом в сознании Моргунка происходит в результате влияния прогрессивных сил советской действительности. Ищу-

⁶ А. Твардовский. Поэмы, ГИХЛ, М., 1963, стр. 17. Ссылки на это издание — в тексте (указаны страницы).

ший сказочную страну Моргунок не только начинает сомневаться в правильности своего пути:

По той, а может, не по той
Дороге едем, друг?..

Не знаю, конь. Гадаю, конь.
И нам решаться, что ль?.. (99),—

но приходит к отчетливо осознанной мысли об иллюзорности своих поисков, к принятию колхозной действительности.

Купала отмечает, что коммунарам не нужно искать сказочный клад, но и его героям социалистического строительства на берегах Орессы приходится вести борьбу против традиций, идей и навыков старого общества (эпизод изгнания «чужаков» из коммуны).

Оба поэта оттеняют глубокий смысл судеб и биографий положительных героев поэм своеобразными авторскими уточнениями, оценками. Поэтизируя героическое начало в труде советского человека, развивая тему народа, раскрепощенного Октябрем, Янка Купала видит особый смысл в социальной биографии своих героев. Купала поэтизирует личность активную, и в этом находит свое продолжение полемика поэта с реакционными взглядами на белорусский народ. Изображение повседневного труда коммунаров под пером Янки Купалы превращается в поэтический гимн трудовой деятельности советских людей. Внутренний пафос поэмы связан с героизацией образов рядовых тружеников, с умением показать исключительное в обыкновенном. В поэме отмечается, что первыми строителями новой жизни в Полесье было 82 коммунара — бойцы прославленных дивизий — фрунзенцы, чонгарцы и воины Самарской дивизии. Принципом типизации становится обобщение ведущих черт героических современников поэта. Но суммарное изображение трудового коллектива (в диалоге, приведенном в поэме, обозначение персонажей дается в авторской ремарке: «один из коммунаров», «один из чонгарцев», «второй из коммунаров», «один из пятерых» и т. д.) было и завоеванием белорусской поэзии, и таило в себе недостаточность психологического раскрытия характеров.

Купала отдает дань принципу документализма. В сюжете поэмы отражена история создания коммуны Белорусского военного округа, сохранены реальные имена: Модин, Борисенко, Одериха (только для трех персонажей), названия первых совхозов — «Сосны», «Загалье», точно обозначено время происходящих событий («Новый год настает — девятьсот тридцатый» (571)). И хотя эпичность преобладает над психологической глубиной раскрытия характеров, что было присуще в начале 30-х годов и другим жанрам, Купала стремится не только декларировать в своей поэме идею неиссякаемых сил народа-созидателя, воплощающего большие планы в жизнь под руководством партии («Но раз пришли большевики, изменится весь край» (561)), но и показать, *как* это происходит. Идея талантливости народа конкретизируется в биографиях коммунаров («Умелый мастер» Одериха строит дорогу, хотя «не был он во втузах, не был инженером» (581)). Поэт видит глубочайший смысл в том, что

Был он коммунаром,
Был он коммунистом

И работу сделал
хорошо и чисто (581).

Нравственные качества советского крестьянина, положительные черты народного характера Твардовский раскрывает в образе коммуниста Фролова — передового советского человека, прошедшего путь от защитника Родины в годы гражданской войны до председателя колхоза. Образами коммуниста Фролова, эпизодического персонажа — молодого паренька-тракториста, членов семьи Фролова поэт страстно утверждал советскую действительность, открывшую для крестьянина возмож-

ность всестороннего проявления и применения творческих сил и задатков.

...и где нас только нет,
Фроловых, на земле!
Живут в Москве и под Москвой,
В Сибири от годов.

Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.
Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один (76).

В сконденсированной формуле этой типичной биографии советской семьи уже определены мотивы будущих произведений советской литературы: о династии рабочей семьи как ячейке нашего общества, о людях, превращающих труд в творчество.

Такое осмысление исторических судеб народа действительно определяло собою «новый характер эпического действия»⁷ не только в прозе, но и в монументальном стихотворном эпосе, который создавался в 20—30-е годы в советской поэзии. Основной сюжета поэмы 30-х годов так же, как и в романе этого периода, становились коллизии, характеризующие процесс рождения новой психологии, новых общественных и личных отношений между людьми, вытекающих из нового характера труда, «организатора нового человека».

Поэма «Над рекой Орессой» отразила изменившийся ритм жизни; она знакомила белорусского читателя с изображением труда как борьбы, как подвига, равного подвигу боевому. И хотя некоторые стихи в ней звучали подчас риторично, а «диалектика души» нового героя требовала более глубокого раскрытия, Купала сказал новое слово в поэзии. Мимо его опыта не мог пройти Твардовский, талантливый переводчик белорусских поэтов. Но вопрос о влиянии Купалы на Твардовского может стать предметом специального исследования.

Первые советские поэмы о величайшем переломе в исторических судьбах крестьянства после Октября свидетельствовали о расширении тематического диапазона советской поэзии, об утверждении нового типажа в ней, о масштабности художественного мышления поэтов. Они с непреложностью реального факта убеждали в том, что политическая тема современности, входившая в поэзию вместе с изображением колхозной деревни, могла быть раскрыта с точки зрения результатов Октябрьской социалистической революции, в свете красоты нравственных идеалов социалистического общества.

Проблематику «Страны Муравии» и «Над рекой Орессой» нельзя свести только к изображению крестьянства. Кроме отмеченных важнейших сторон идейного содержания, поэмы несли в себе большой заряд патриотизма и интернационализма. Среди коммунаров — белоруссы и украинцы, вместе созидающие новую жизнь. Сын своего века, берегущий «свято линию..., что Ленин указал» (76), коммунист Фролов жаждет, чтобы правду о его стране узнал весь мир. Он хочет одного:

И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне все равно,—
За нашу б только власть (81).

Страстное вторжение в жизнь, конкретность примет эпохи, наличие реальных прототипов у героев, элементы документализма — эти черты стиля рассматриваемых поэм роднят поэзию 30-х годов с прозой этой эпохи, восполняют наше представление о путях поисков новаторского эстетического выражения концепции человека и эпохи, как она складывалась в искусстве социалистического реализма этого периода.

⁷ Т. Мотылева. Мировое значение советской литературы, Сб. «Проблемы социалистического реализма», «Советский писатель», М., 1958, стр. 100.